

К.А. Крашенинников*, Д.С. Федяй**

Субкультурные особенности восприятия и понимания справедливости в современном российском обществе

Нет человека без правосознания; но есть множество людей с пренебрежённым, запущенным, уродливым или даже одичавшим правосознанием.

И. Ильин. Путь духовного обновления

В обществе всегда существует более одной правовой и политической субкультуры. Пусть даже и в обществе тоталитарном. При всей кажущейся самоочевидности этой констатации в современной российской научной и периодической литературе немного найдется авторов, кто ставил бы перед собой задачу рассмотрения тех правовых и политических субкультурных особенностей, которые сосуществуют в нашем обществе. Причина отсутствия этого интереса вполне очевидна: современной политической мифологией постулируется единство общества. Период торжества

* Доцент кафедры философии и политологии Саратовского государственного социально-экономического университета, кандидат философских наук.

** Доцент кафедры философии и политологии Саратовского государственного социально-экономического университета, кандидат философских наук.

мультикультурализма в качестве парадигмы социального развития в России, по-видимому, наконец-то все же в целом изжил себя, и актуальна стала «новая» мифологема монолитности и укрупнения—прирастания. Это проявляется во многих областях научного знания и практики: от новинок государственно-территориального конструирования до этнологии и антропологии, от экономики по модели «одно министерство — один холдинг» до ликвидации мелких сельских медпунктов и школ. Можно констатировать, что парадигмально в сознании политического класса на смену мультикультурализму вплоть до «бери суверенитета, сколько унесешь» приходит конструктивизм вплоть до замятинского «мы». Другое дело, насколько сам этот политический класс способен свои же мифологемы понять и тем более реализовать. Пока же наряду с конструктивистскими заклинаниями о реальности «единой российской нации» можно услышать заявления о том, что и общества-то уже нет, а есть лишь «элиты и массы» (такой же в целом «конструкт»).

Поскольку в реальном современном российском обществе господствует сильнейшая социальная поляризация — как следствие гигантского имущественного расслоения, — то возможно допущение, что внутри него существуют всего две базовые правовые (а одновременно и политические) субкультуры: субкультура сверхбогатых и субкультура бедных. Всё же российское «псевдосреднее» между ними, если оно даже и существует, то является в реальности не «средним» вовсе, а промежуточным, по сути — *маргинальным* в истинно парковском понимании этого термина: многие «выпали» (и сколько таких еще впереди!), а кое-кто даже и «поднялся». Ведь Парк на самом-то деле писал о маргиналах как о людях «более широкой культуры» именно в том смысле, что они из прежней своей культуры вышли, освоив ее, а проникнуть пытаются в другую через ее освоение. Чем это не «новые богатые» либо «новые бедные», разговор о которых уже годами ведется в отечественной социологии? *Кардинальных* отличий между субкультурными особенностями бедности («хватает на еду, но одеться уже трудно») и таковыми же нищеты («не хватает даже на еду») авторы данной работы не видят. Так или иначе и та и другая — исходно дефицитарна, и та и другая формируют сходные, если не одинаковые, стереотипы и восприятия, и действия, и одинаковые аттитюды-установки, и в конечном итоге одинаковый *тип личности в целом*. И это личность с четкими представлениями о том, что является правильным или неправильным, справедливым или нет, законным или незаконным, одобряемым или нет — это личность со своими политико-культурными особенностями и со своими особенностями правовой культуры.

В функциональном отношении поддержание справедливости возможно всего несколькими способами, из которых наиболее радикальными остаются установление справедливости «от себя», на основе групповых или индивидуальных идеалов, и обращение к специально сформированным органам либо институтам, располагающим как образцами справедливости, так и ресурсами для её поддержания. Право как социальный институт не способно повсеместно и ежедневно служить регулятором общественных процессов, тем более что для установления каждого факта *нарушения* права требуется вмешательство юридически образованного и компетентного лица, не говоря уже о восстановлении справедливости в судебном порядке. П.И. Новгородцев полагает, что идеальный смысл общения вы-

ходит далеко за пределы формального права и связан с высшим нравственным законом, который способствует объединению людей «духом солидарности и любви» и формирует у них «общее культурное стремление»¹. Однако это нисколько не отменяет требования развитого правового компонента индивидуальной и общественной культуры, и передача вопросов права под ответственность одних лишь юристов, согласно Гегелю, недопустима: «Право касается свободы, самого достойного и священного в человеке, и он сам, поскольку оно для него обязательно, должен знать его»².

Знание права представляет собой лишь начальный этап становления правовой культуры индивида, поскольку не гарантирует соблюдения прав остальных людей, не обеспечивает индивиду полноту реализации его собственных прав³, даже не свидетельствует об уважении к самому праву. По какой-то странной закономерности самые дерзкие и очевидные нарушения установленных порядков, не исключая и правовой порядок, совершаются именно теми лицами, которые обладают исключительной осведомлённостью о данных порядках — как если бы совершенное знание порядков сообщало индивиду некое высшее право их игнорировать. Если незнание закона не освобождает от ответственности, то каким образом от неё «освобождает» знание закона?

Отдельного упоминания заслуживает момент авторства и адресата закона. Известно, что сочинить законы способен не каждый. Кроме того, слишком часто менять законы, по Аристотелю — значит ослаблять их силу и провоцировать у граждан недоверие к ним. Чем же руководствуется законодатель при составлении законопроектов? Ф. Бэкон, говоря о государственной деятельности и судебной практике, вспоминает древнеримский принцип «*Salus populi suprema lex*» («Благо народа — высший закон»), и заявляет: «...законы, если они не служат этой цели, суть лишь вздорные и ложные прорицания»⁴. Поэтому законодателю следует, как минимум, достаточно знать тот народ, для блага которого он собирается вводить законы. При этом вовсе не обязательно, чтобы законодатель сам происходил «из народа»: при переходе его в должность законодателя, и, стало быть, при получении им властных полномочий он в любом случае редко воспринимается «народом» как человек равных возможностей и качеств.

Не менее важно при составлении закона определить, какую область отношений он должен регулировать, на кого он распространяется, а на

¹ Новгородцев П.И. Содержание общественного идеала // Об общественном идеале. М., 1991. С. 111.

² Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 253.

³ Например, это касается судебной практики: «Так как каждый индивид имеет право искать суда, он должен знать законы, ибо в противном случае это право ничем бы ему не помогло. Но индивид обязан также предстать перед судом». (См.: Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 258). В этой связи Гегель напоминает, что в эпоху феодализма могущественные лица, если их обязывали являться в суд для разбирательства, считали это неправым деянием. В современной судебной практике такое отношение к своим обязанностям в процессе судебного разбирательства всё чаще отмечается и со стороны лиц совершенно не могущественных, но полагающих, что справедливость будет восстановлена судом «автоматически», без их непосредственного участия. Неявка в суд служит также весьма эффективным средством затягивания судебного процесса в корыстных интересах.

⁴ Бэкон Ф. Опыты, или наставления нравственные и политические // Соч.: В 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 475.

кого — нет. То обстоятельство, что «дуракам закон не писан», *не останавливает* и желающих обойти закон в личных интересах, явно встающих в оппозицию к интересам общественным и государственным. Для России не прошёл бесследно опыт силового решения политических проблем в советское время. «Справедливое» советское общество, возглавляемое «прогрессивным» советским правительством, наивно доверяло системе тюремного «исправления» провинившихся, предпочитая вовсе не встречаться с этими «провинившимися», а всякая судимость ложилась зловещей печатью на судьбы тысяч людей, в том числе осуждённых «по ошибке». Наследие деланного социального благодушия в отношении тюремной жизни и заключённых — небывалый рост криминального сознания россиян в наше время. Вполне убедительно это характеризуется замечанием И.А. Ильина: «Если современный “просвещенный” человек склонен или сомневаться в значении родины, патриотизма и национализма, или просто отвергать все эти драгоценные основы жизни, то о правосознании, о его сущности, о его глубоких источниках и о его жизненной необходимости он вряд ли и вспоминает»⁵. Поколение адептов «шикарной жизни», так называемых «воров в законе», опытных финансовых махинаторов, коррумпированных чиновников различных уровней, казалось бы, обходит, *обманывает* лишь закон. Однако когда в государстве позволяется⁶ безнаказанно обманывать закон, который, если соглашаться с Бэконом, есть *благо народа*, то обманутым — то есть одураченным — оказывается не безличный и формальный «закон», но сам народ. В итоге закон получается «писанным» как раз «дуракам» — надо полагать, в эту категорию криминальное сознание зачисляет *добропорядочных* граждан. «Дух преступности», узаконивание которого при этом, по замечанию И.А. Ильина, осуществляется, завладевает умами и не только утрачивает отталкивающие и пугающие свойства, но и становится уродливой основой деградирующего социального.

Но нельзя сказать, что криминальное сознание совершенно *не нуждается* в законе или его подобии. Такое подобие существует и успешно выполняет набор функций, присущих закону гражданского общества. Это система «понятий» — жёстко определённых и фиксированных *вербально* обозначений криминально приемлемых вырожденных форм аристотелевской «добродетели» — мужества, справедливости, рассудительности, честности. Страх, но в большей степени — уверенность в неотвратимости наказания за ослушание, за попрание «понятий», делает их исключительно эффективными. Индивид, принимающий на себя обязательства следовать преступным «понятиям», воровским «кодексам», заранее *отказывается* от прав и свобод, которые доступны в гражданском обществе. Однако так называемые вынужденные преступления обнаруживают либо серьёзные недостатки в системе обеспечения этих гражданских прав и свобод, либо декларативный их характер. Рассматривая классический пример с кражей куска хлеба ради поддержания жизни, Гегель заключает: «Жизнь как совокупность целей имеет право пойти наперекор абстрактному праву»; в таких случаях имеет смысл «...требовать, чтобы человека не принес-

⁵ Ильин И.А. Путь духовного обновления // Собр. соч.: В 10 т. М., 1993. Т. 1. С. 217.

⁶ «Нельзя позволить гражданам не соблюдать действующий закон: ибо противозаконие расшатывает правосознание и узаконивает в стране дух преступности». (Там же).

ли полностью в жертву праву»⁷. Очевидно, если принесение человека «в жертву праву» совершается систематически, ближайшим выбором такого человека станет мир преступности и «понятий».

Понятно, что наиболее сложны для оценки случаи, когда заключается в тюрьму гражданин, лишивший жизни напавшего на него, спасая свою жизнь или жизнь близких людей. «Систематичность» здесь «запускается» спонтанно, ведь отношение к человеку с судимостью мало поменялось с советских времён, в том числе при приёме на работу. Между тем, характерно, что при рассмотрении подобных судебных дел сами нападающие — зачастую в делах такого рода фигурируют группы несовершеннолетних с антисоциальной направленностью и со сформированным криминальным мировоззрением — получают условное, либо наименее суровое наказание, в то время как пострадавший становится пожизненным инвалидом и неизбежно стигматизируется, теряя работу, социальный статус и нередко — всякую социальную перспективу вообще. Не лучшая участь ожидает и защищавшегося гражданина, которого оправдали и оставили на свободе: указанные подростковые группы, по оценкам экспертов — криминальных психологов, склонны отыскивать «дерзкого обидчика» в целях расправы, либо устраивать настоящий террор его родственникам. Так, в 80-е гг. XX в. получили особую печальную известность «казанские» подростковые группировки, правила вступления и поведения в которых были заимствованы из тюремной жизни — «с зоны».

Поэтому вслед за «знанием» прав индивиду следует озаботиться умением этими правами пользоваться, а также обязанностью подчиняться требованиям права. С этого момента право обретает массу индивидуаций, и от них зависит дальнейшая судьба права как жизненно важной основы человеческого общежития. Не может существовать универсальной справедливости не только для всего человечества, но даже и для отдельного общества. Самое большее, на что здесь приходится рассчитывать — это выработка сопряженных понятий справедливости, уровнем от формально-логического до духовно-нравственного и даже религиозного.

Религиозное сознание в этом отношении выгодно отличается от светского тем, что верующий призван своей религией к самостоятельной непрерывной деятельностью по утверждению божественной справедливости, и, таким образом, выступает как соратник Бога. Индивидуальный выбор, возможно, в какой-то степени подкрепляется и страхом наказания со стороны Бога за нерадение или неисполнение высшего призвания, и надеждой на грядущее вознаграждение для старательных служителей. И здесь понятие «преступление» в нравственном смысле находится несоизмеримо ниже понятия «предательство», поскольку преступает ослушник закон, то есть формальное выражение божественной воли, но предаёт лично Бога, и тем многократно увеличивает глубину своего падения. Именно этим обстоятельством пользовалась средневековая инквизиция: всякое преступление закона могло быть расценено как гораздо более тяжкое, если рассматривалось через призму отступления от божественного повеления.

Общественное бытие чутко отзывается на малейшие попытки изменить само упоминание о справедливости отвлечёнными рассуждениями о неизбежности страданий, нищеты, войн и болезней. Вредоносная софистика

⁷ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 171.

подобного рода основана на смешении понятий природного строя вещей и культурного бытия социума. В обществе потребления *производятся* множественные и разнообразные потребности, малейшее неудовлетворение которых воспринимается потребителем как несправедливость. Гегель замечает, что в этом случае «...удовлетворяется уже не потребность, а мнение», а само многообразие вновь появившихся потребностей «...вообще служит признаком того, что нужда вообще не так уж велика»⁸. Не существует граждан, возможности которых совершенно равны в отношении доступных благ, тем более что в обществе потребления понятие «жизненные блага» (*мн.ч.*) не совпадает с «жизненно важным». Потребитель имеет право потреблять, за это он берёт на себя некую «экологическую» ответственность (как правило, весьма рекламно-шаржированного формата: в лучшем случае здесь выполняется призыв «Keep your country tidy» — «Держи в чистоте свою страну»). Какое право имеет гражданин, чей ежемесячный доход составляет от 30% до 50% так называемого прожиточного минимума? Этот гражданин живёт *не* в обществе потребления — он живёт в обществе *риска*. Трагизм ситуации в том, что речь идёт об одном и том же обществе.

Не будет большим преувеличением сказать, что русское правосознание основано на традиционно религиозном понимании справедливости⁹, реализующейся в бытийном ряду «правое дело» — «государева справедливость» — «высшая справедливость». «За правое дело стой смело» — вот формула закона и порядка, выведенная самим народным самосознанием; она касается не только воина, но и всякого верного своему народу и государю, всякого ревнителя веры предков. Очевидно, что здесь невозможно говорить о формальных критериях «правого дела», о рекомендациях по его совершению. «Правое» в культурном аспекте означает и «правильное», и «чистое/священное», и «справедливое/честное». Это отношение к праву разительно отличается от современного неполноценного правосознания россиян, ограничивающегося ходульными представлениями о «крючковторстве» законодателей и судей, о всемогуществе изощрённых «толкователей» закона (в сторону личной выгоды) и о беспомощности самого закона перед преступным миром. Близость сферы права к самому дорогому для каждого человека — к свободе, позволила Гегелю объявить право привилегией Абсолюта (хотя и *только* философски понятого): «Право есть нечто святое вообще уже потому, что оно есть наличное бытие абсолютного понятия, самосознательной свободы»¹⁰. При этом определённое и действительное право признаётся и наиболее всеобщим, более богатым

⁸ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 236.

⁹ Уже Аристотель утверждал, что справедливость «...есть добродетель, необходимая в общественной жизни, а за справедливостью неизбежно следуют и остальные добродетели». (См.: *Аристотель*. Политика. Книга третья // Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 469–470). В христианском религиозном представлении правитель, будучи мудрым, неизменно правит справедливо. В классической русской литературе (напр., у Н. Некрасова) традиционно актуален эпизод хождения простолюдинов к государю «за правдой», т.е. за справедливым решением возникшего спорного вопроса. Перед государем при этом принято излагать суть дела без утайки и искажений, «как перед Богом».

¹⁰ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 90. Ср. у Ф. Бэкона: «Суд есть место священное, а потому не только судейское кресло, но и подножье его и все подступы к нему должны быть охраняемы от соблазнов и худой славы». (См.: *Бэкон Ф.* Указ. соч. С. 475).

и конкретным в себе. Это замечание наводит на мысль о значимости и ответственности конкретных людей, участвующих в обеспечении и реализации прав в обществе.

Авторы берут на себя смелость в данной части работы сделать попытку рассмотрения и такой части российской культуры, как религиозные субкультуры — по крайней мере, тех ее аспектов, которые затрагивают тему работы. Именно в силу того, что это крайне важно в контексте основного вопроса работы — вопроса о состоянии и динамике культурных особенностей понимания преступления и справедливости и отношения к ним в различных социокультурных группах современного российского общества. И с необходимой оговоркой о том, что религиозно-культурная тематика даже в той своей части, о которой здесь говорится, является крайне сложной для светского научного анализа. Однако же, авторы как ученые не могут видеть лишь то, что им просто и приятно, а как христиане — не имеют права говорить лишь о том, что для них полезно. В конце 2007 г., на секционном заседании одного из представительных межрегиональных православных форумов, в ходе философской дискуссии, прозвучали слова о том, что продвижение *социальной справедливости* в обществе-де не является задачей и функцией Русской православной церкви. Гораздо раньше одному из авторов довелось иметь беседу с одним из довольно заметных представителей поколения «обновленного» российского научного чиновничества, и в ходе разговора также была затронута тема социальной справедливости. Плавное течение беседы прервалось, и прозвучало буквально, что справедливость — это понятие *христианской морали*. А по-сему в позитивной науке его, мол, и обсуждать не стоит. То есть, налицо своеобразный парадокс: ученый относит справедливость к ведомству религии, а святой отец ее «своей» также как бы и не считает. Разумеется, мы не пытаемся делать хоть сколько-нибудь значимых обобщений на основании «всего лишь» единичных высказываний (но ведь и они и фактологически вполне показательны, и этнометодологически вполне значимы). Однако и во всем этом, видимо, также проявляются особенности современного понимания категории социальной справедливости в российском обществе. Бесспорно, категория эта *крайне неудобная*, однако уж философия-то ей заниматься должна просто по факту того, что она философия.

Для *старости* справедливость — это по возможности безболезненное угасание и смиренная смерть (что и продвигается определенной частью носителей и проводников религиозного мировосприятия, и что порой им, похоже, желательно представить в виде некоей «цивилизационной справедливости» *для всех*). Однако же в реальности это и в самом деле психобиологически необходимое смирение с неизбежностью телесной боли, с болезнью и со смертью, а вовсе не со *смертью в нищете и душевных страданиях* от того, что и дети, и внуки в той же нищете остаются без тебя уже, да и сами в будущем не «упокоятся с миром», как подобает Человеку, а попросту «сдохнут». По Платону, справедливо заниматься своим делом и не лезть в дела чужие. То есть, старик, пытаясь без меры потреблять и во все стороны «разрастаться» — несправедлив, и занят не своим вовсе делом. Человек *среднего*, наиболее продуктивного возраста без труда и достатка, и без даваемого ими достоинства и уважения — несправедлив. *Молодой* человек, не стремящийся к росту, в том числе личностному, к расширению и потреблению (прежде всего, но не только) знаний, — также несправедлив. В равной степени несправедлива и религия, дистанци-

рующаяся от понятия социальной справедливости. Она, в общем-то, и невозможна. Поскольку справедливость — это ее понятие и ее сущность.

Для среднего, наиболее продуктивного возраста справедливость — это, прежде всего, труд с достойной его оплатой, дающие достаток и достоинство в целом (что в известной части своей никак невозможно соотносить со «смирением», отсюда, по всей видимости, и растет в реальности проблема непринятия религией либеральной категории прав человека). А ведь именно эта категория является базовой для европейской, да и глобальной уже правовой культуры.

А для молодежи справедливость — это, как нами отмечено выше, рост и расширенное потребление нового, знаний, расширение в целом. И тут причина того, что молодежь в массе своей религии *не принимает*, и в том виде, в каком её старается представить высшая её дряхлеющая иерархия — никогда, скорее всего, и не сможет принять¹¹. Исходя из декларируемого понимания чуть ли не главной задачей христианства в России «сохранение гражданского мира», это неприятие вполне возможно не только констатировать, но и в дальнейшем прогнозировать. Молодежь, на наш взгляд, по сущности своей не «мирна» и не «смирена», и ей будет *всё труднее* объяснять (да и сейчас непросто), отчего ей надо лишь замиряться, смиряться, *воцерковляться* и готовиться к Страшному суду, причем делать все это *в нищете*, пока вокруг нее все такое гламурное, комфортное и *кайфовое*.

Полагаем, что сомнительна в этих условиях и перспектива формирования гражданского и правового (что неразделимо) самосознания, общей культуры молодого поколения. Так, в литературе по православному воспитанию детей можно найти следующие рекомендации: «Суровая трудовая обстановка жизни семьи — лучше при лишениях, чем при избытке — есть наиболее здоровая среда для воспитания ребёнка»¹². Наблюдая за российской действительностью, можно в свете приведённой рекомендации ожидать прихода нового поколения россиян, воспитанных исключительно в *наиболее здоровой* среде. Рекламные «Растишки» и диеты «для здорового малыша» необратимо посрамлены. В контексте процитированного совета по «здоровому» воспитанию детей не упоминается ни о болезнях детей вследствие скудости и однообразия питания, ни о необходимости игровой обстановки для нормального развития личности ребёнка¹³. Одна-

¹¹ Ср., напр.: «Вот пенсионеры — им нужна прибавка в пенсии в несколько сотен рублей. Молодежи нужна возможность не строить годами благосостояние, не копить тяжелую мебель в клоповниках, а быстро заработать денег и проявить себя». Это слова Э. Лимонова, высказанные им в дискуссии по обсуждению национального проекта. (Цит. по: Чеснокова Т., Черкесова Н. Россия — DELETE? 2030 год: Глобальная схватка цивилизаций. М., 2007. С. 37).

¹² Пестов Н.Е. Основы жизни христианина. Теснота пути // Православное воспитание детей. М., 1997. С. 71.

¹³ Одному из авторов статьи в частной беседе учителя средней школы С-й области сообщили, что приходящие на уроки дети нередко падают в голодные обмороки прямо на занятиях. Эти дети «воспитываются» родителями-алкоголиками. Такая форма «воспитания» хорошо знакома жителям удалённых от крупных городов сёл и небольших городов. Для таких детей обучение в школе и есть один из самых ранних опытов «труда». А непрекращающаяся череда «лишений» приводит их в асоциальные группы, где они делают окончательный выбор — не в пользу «труда». Там же вскоре обретается первый криминальный опыт с сопутствующим ему понятием «справедливости».

ко безальтернативно национальной, всецело русской смотрится категорическая дихотомия «лишения — избыток». Промежуточного варианта — «достаток» — просто нет. Наконец, зародыш будущего правосознания рассматриваемого «здорового» ребёнка уже совершенно определённо нацелен на то, что *суровый труд* сопровождается не недостатком или вознаграждением (например, та же достойная зарплата), а *лишениями*. Это, видимо, признаётся вполне справедливым.

В указанном аспекте может показаться не вполне оправданным обращение к гегелевскому замечанию о значении религии в деле формирования правосознания: «Не сила, а слабость придала в наши дни религиозности характер полемического благочестия независимо от того, связано ли оно с подлинной потребностью или просто с неудовлетворенным тщеславием»¹⁴. Но российская действительность, как и много веков назад, в избытке обеспечивает граждан условиями для самогонения. Однако кому адресованы советы по религиозному воспитанию детей? Вкусивших запретных некогда плодов потребительского образа жизни вряд ли убедят напоминания о несметных и нетленных небесных сокровищах. Это особенно относится к подросткам, к моменту перехода в 5-й класс сменившим третий или четвёртый сотовый телефон и считающим, что иначе было бы «несправедливо». Но и тем, для кого прожиточный минимум составляет предел стремлений и надежд, скорее всего мало помогут «благочестивые» советы на предмет «трудов и лишений». Впрочем, «...в том случае, когда намерения и утверждения основаны на религии, возражать против них указанием на их поверхностность или на их неправоту якобы невозможно»¹⁵.

Российское общество не удивить тем, что слово «закон» всё чаще употребляется вместе с уточнением «очередной», что намерение гражданина сделать «всё по закону» вызывает неподдельный смех, что законопослушный гражданин имеет больше шансов оказаться в тюрьме, чем злостный и принципиальный нарушитель закона. «Гражданское общество должно защищать своего члена, отстаивать его права, а индивид в свою очередь обязан соблюдать права гражданского общества»¹⁶. Это гегелевское условие не содержит указаний на то, кто же должен сделать пресловутый «первый шаг» — общество, государство или гражданин. Этот шаг, по всей видимости, должен быть сделан ими *одновременно*.

¹⁴ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 297.

¹⁵ Там же. С. 298.

¹⁶ Там же. С. 268.